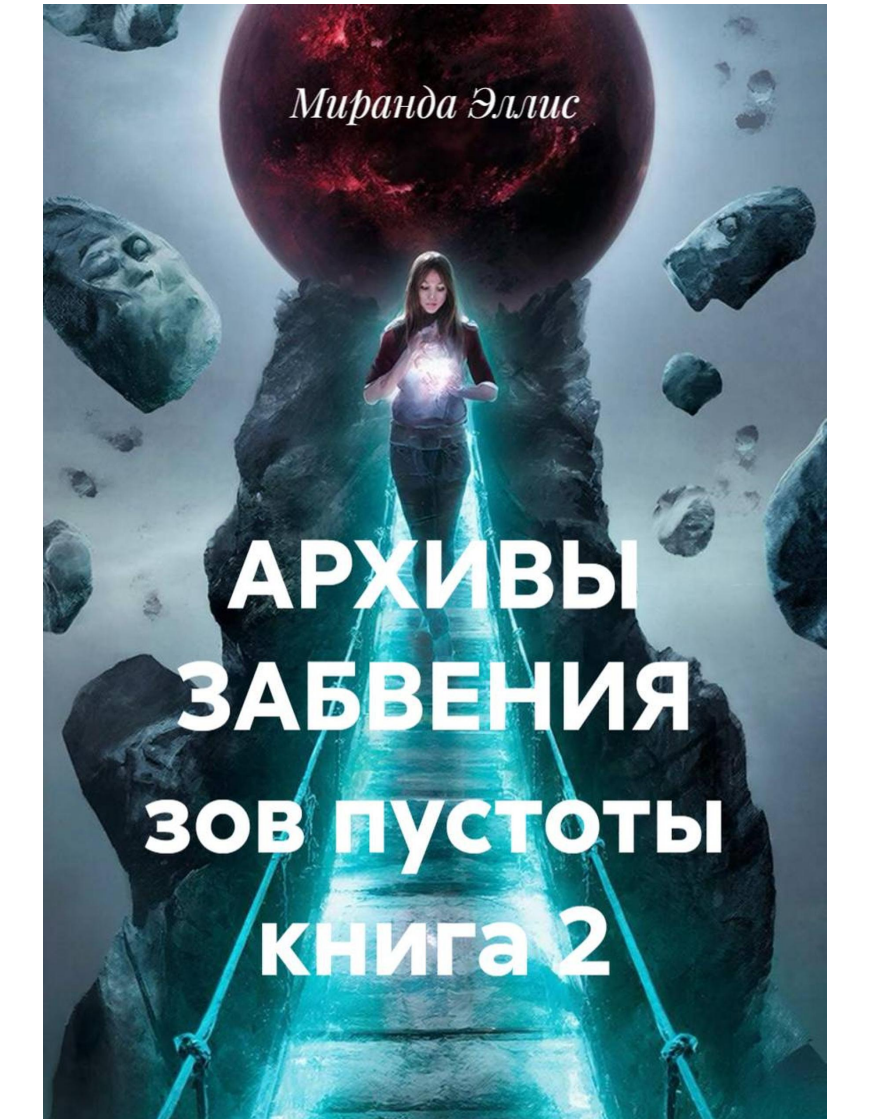

The background of the cover is a surreal, dark space scene. A large, glowing red planet with a textured, almost organic surface dominates the upper half. A woman with long brown hair, wearing a dark red long-sleeved shirt and dark pants, stands on a narrow, glowing blue path that leads from the bottom towards her. She is holding a glowing, multi-colored orb in her hands. The path is flanked by dark, jagged rock formations. Several large, dark, irregularly shaped rocks float in the background. The overall color palette is dark with strong contrasts between the red planet, the blue path, and the woman's clothing.

Миранда Эллис

**АРХИВЫ
ЗАБВЕНИЯ
ЗОВ ПУСТОТЫ
книга 2**

Миранда Эллис

АРХИВЫ ЗАБВЕНИЯ

зов пустоты книга 2

<https://litres.ru/74318999>

SelfPub; 2026

Аннотация

ОНИ — СЛУЖБА СПАСЕНИЯ ДЛЯ БОГОВ. ВТОРОЙ ВЫЗОВ — САМЫЙ СЛОЖНЫЙ.

Первого своего бога Роза Мортель научила чувствовать. Второго придётся научить не убивать своим страданием.

Когда в Тибете просыпается Архив всей мировой боли, на ликвидацию отправляют ракеты, магические печати и Розу с её командой. Их миссия — не уничтожить аномалию, а найти способ с ней договориться.

Путь лежит через зоны, где реальность выцвела, а время течёт рывками. Их оружие — стихи Мандельштама, формулы квантовой физики и хрупкая человеческая эмпатия. Их враги — не только древнее безумие, но и те, кто хочет «спасти» мир, убив в нём всё странное и страшное.

Продолжение бестселлера о симбиозе человека и древнего разума. Архив Забвения — это дипломатия на краю пропасти, где ошибка грозит не личной гибелью, а войной между новыми формами жизни.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ОТ АВТОРА	7
ЧАСТЬ I: СИГНАЛ ИЗ ПУСТОТЫ	9
ГЛАВА 2: ЧАСОВЫЕ СМОТРЯТ НА ВОСТОК	14
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Миранда Эллис

АРХИВЫ ЗАБВЕНИЯ

зов пустоты книга 2

ПРЕДИСЛОВИЕ

ИЗ ЗАПИСОК МАРКА, ОСНОВАТЕЛЯ «МОСТОВ».

Мы ошибались.

Всё это время — все эти века, пока Совет ревностно хранил свои свитки и печати, а «Лилит» с GSI копались в артефактах, выискивая рычаги власти, — мы ошибались в самой основе. Мы считали их угрозами. Артефактами. Аномалиями. Демонами, которых нужно заточить. Батарейками, которые можно взломать. Мы не видели в них того, чем они являются на самом деле. Мы не видели в них пациентов.

Представьте вселенную как гигантский, живой организм. У него есть лёгкие — пространство. Кровь — время. Нервы — законы физики. А у тех, кого мы называем Архивами, — другая роль. Они — органы памяти и иммунитета этого тела. Одни хранят паттерны, узоры бытия, чтобы мир не рассыпался в хаос. Другие впитывают токсины: боль, травму, яд смысла. Чтобы организм мог дышать дальше.

Но что происходит, когда орган заболевает? Когда фильтр засоряется до отказа? Когда хранилище переполняется и начинает протекать, сочиться гноем в здоровые ткани? Организм сходит с ума от боли или задыхается в собственных токсинах. Так рождаются зоны безумия. Так «просыпаются» боги.

Первая книга была историей пробуждения. История о том, как Роза Мортель, хранительница оранжереи, научилась разговаривать с одним таким органом — Праксисом. Она дала ему не силу, а чувство. И он ответил ей доверием. Мы, наблюдавшие со стороны, видели в этом либо чудо, либо кошмар.

Эта книга, вторая, — история диагностики. Когда просыпается второй пациент, и его болезнь смертельно опасна для всего вокруг. История о том, как Розе и её странной команде пришлось стать не просто хранителями, а врачами скорой помощи в палате интенсивной терапии для божеств. Их инструменты — не скальпели и лекарства, а поэзия, математика, память и непоколебимое, безумное сострадание.

Они столкнулись не только с болезнью. Они столкнулись с другими «врачами»: с теми, кто хочет ампутировать больной орган, невзирая на последствия для организма (GSI), и с теми, кто готов усыпить пациента навеки, лишив его и болезни, и самой жизни (ортодоксы Совета). Их путь — третий. Самый трудный. Попытка исцелить. Или, если исцеление невозможно, — дать болезни форму, в которой она пе-

рестанет убивать. Превратить язву в шрам. Крик — в элегию. Яд — в запертую вазу.

Эта книга — о цене такого выбора. О том, чтобы помочь одному богу переварить океан чужой боли, другой должен принять часть этого океана в себя. О том, чтобы усыпить голодного хищника, нужно самому на мгновение заглянуть в его бездонный, ненасытный желудок. И о том, что самое страшное на этой войне — не физическая гибель, а риск потерять себя, растворившись в чужих, нечеловеческих трагедиях.

Мы ошибались, думая, что защищаем человечество от монстров.

На самом деле человечество — лишь часть этого большого, больного организма. И наше выживание зависит от того, найдём ли мы в себе смелость и мудрость стать не завоевателями, а сиделками для спящих гигантов, чьи кошмары творят реальность.

Роза Мортель сделала первый шаг. Она протянула руку. Эта книга — о том, что случилось, когда та рука, тёплая и человеческая, коснулась сначала горячего от боли, а потом ледяного от яда камня.

И о том, что касаний впереди — ещё много.

Карта пульсирует. Пустота зовёт. А дежурство в самой странной больнице во вселенной только начинается.

Марк, «Мосты». Записано по свежим следам событий в Тибете и на «Лонгтайме».

ОТ АВТОРА

Представьте, что реальность — это не монолит. Это лоскутное одеяло, сшитое из снов, боли, памяти и законов, которые мы называем физикой. И есть швы на этом одеяле. Места, где ткань истончилась, выцвела или порвалась. Места, где проступает то, что лежит под ним.

Некоторые называют эти места аномалиями. Другие — святынями. Третьи — угрозами национальной безопасности.

Но есть и другое слово. Архивы.

Это не библиотеки. Не хранилища данных. Это живые, спящие узлы самой реальности. Каждый — со своей функцией. Один хранит порядок. Другой впитывает страдание. Третий отравляет смыслом. Они старше гор и молчаливее звёзд. Пока спят — мир стабилен. Но когда они просыпаются... одеяло реальности начинает рваться.

Эта история — не о героях, спасающих мир. И не о безумцах, играющих с силами, которых не понимают. Эта история — о врачах, впервые попавших в палату к пациентам, чья болезнь — это искажение законов бытия.

Их скальпель — сострадание.

Их медикаменты — стихи и формулы.

Их диагноз — «бог в агонии».

А их главный вопрос — не «как уничтожить угрозу?», а «как помочь этому невыразимому чему-то перестать причинять боль себе и миру?».

В первой книге они научились чувствовать. В этой — им предстоит научиться лечить. И понять, что иногда единственный способ спасти пациента — рискнуть заразиться его безумием.

Добро пожаловать на передовую самой странной медицины во вселенной. Дежурство только начинается. И первый пациент уже зовёт — тихим, ледяным гулом из-под толщи вековых льдов и ржавых воспоминаний.

Приготовьтесь. Здесь не будет простых ответов. Только сложные, опасные и бесконечно человеческие вопросы.

ЧАСТЬ I: СИГНАЛ ИЗ ПУСТОТЫ

ГЛАВА 1: СОН В САДУ ТЕНИ

Покой — понятие относительное. Особенно когда ты живёшь в симбиозе с разумом, перерабатывающим реальность.

Роза Мортель не спала. Она сидела на тёплом камне у подножия Праксиса — камне, который дышал, пульсируя слабым изумрудным светом в такт её сердцу. Её Сад — так она называла эту залу в недрах старой базы «Лилит» — давно перестал быть пещерой. Он стал лоном. Воздух здесь был не воздухом, а ритмичным, чуть сладковатым дыханием огромного существа. Стены, покрытые вечно меняющимися узорами светящегося мицелия, не были стенами — они стали мембраной, границей между её маленьким человеческим миром и бездонным космосом Праксиса.

Здесь было безопасно. Здесь было... правильно.

В соседнем отсеке, больше похожем на лабораторию, нависающую над живым полем, тихо жужжали серверы Волхова. Сам профессор спал, укутавшись в поношенный халат, в кресле перед мониторами. На экранах плясали уравнения — они описывали неопишемое: эмоциональный спектр Архива, его настроение, его сны. Кирилл дежурил на периметре, в технических тоннелях, ведущих к внешнему миру. Он

чистил оружие — методично, с той же любовной тщательностью, с какой Роза когда-то ухаживала за розами в оранжерее.

Это и был их покой. Хрупкий, выстраданный, выкованный из взаимопонимания, страха и странной, новой формы любви.

Покой умер за миг до того, как Роза осознала его смерть.

Не звук — игла, сотканная из абсолютного холода, вошла ей точно в висок, прошла сквозь череп и застыла где-то в основании мозга. Это был не стон. Это был крик раны, которой миллиард лет, и этот крик Роза слышала не ушами — каждой клеткой своего тела, каждым фантомным воспоминанием о боли, которой никогда не знала.

Она закричала, но крик утонул в том, что пришло следом.

Праксис вздрогнул. Не камень — зверь, получивший удар под дых. Стены Сада полыхнули белым, ослепительным, как электросварка, а потом свет не погас — он стек вниз, впитался в пол, оставив после себя только тлеющие угли багрянца, пульсирующие в такт чужой, далекой агонии.

— Что происходит?! — голос Волхова из-за перегородки сорвался на хрип. Послышался грохот падающего кресла.

Роза не могла ответить. Перед её глазами, наложенным на реальность Сада, разворачивалось видение — не образ, а чистая геометрия страдания. Бесконечная серая спираль, выцветшая, как старая кость, закручивалась в саму себя. Из каждой точки излома сочилась чернота — она не текла, а

рвала ткань реальности, оставляя дыры. Дыры в пространстве? Во времени? В законах физики? И сквозь эти дыры пробивался немой, отчаянный зов. Не слова. Не мысль. Чистая, необработанная боль. Крик раны размером с горный хребет.

Дверь в Сад с силой распахнулась, ударившись о стену. В проеме, с автоматом наготове, замер Кирилл. Его глаза, выхваченные аварийным тусклым светом из темноты, мгновенно нашли Розу.

— Роза! Отчёт!

Она только покачала головой, давясь комом в горле. Протянула руку к сердцевине Праксиса — туда, где обычно висел мягкий ментальный шум его присутствия, похожий на отдаленную симфонию. Теперь там бушевала какофония. Симфония превратилась в визг ржавых пил.

И тогда Праксис заговорил. Не привычным голосом, возникающим в сознании, — потоком сырых, нефильТРованных данных.

Визуальная схема: координаты 33.7° с.ш., 88.5° в.д. Гималаи. Тибетское нагорье. Глубина — неопределяема.

Акустический профиль: резонансная частота, не соответствующая базовой матрице Архива-1 (Праксис). Деструктивная гармоника. Амплитуда нарастает.

Эмоциональный индекс: Боль. Переполнение. Разрыв.

Классификация угрозы:

Архив-2. Кодовое обозначение... загрузка... Страж пустоты.

Статус: пробуждение хаотичное. Неуправляемое.

Предупреждение: информационная безопасность локальной реальности нарушена. Образуются зоны нестабильности («прорехи»). Радиус поражения увеличивается.

Роза отшатнулась, будто получила пощечину. Посмотрела на Кирилла, на вбежавшего бледного Волхова, который уже лихорадочно вчитывался в данные датчиков.

— Второй, — выдохнула она. Голос был чужим, скрипучим, будто не её горлом. — Он проснулся. И ему... ему невыносимо больно. И от этой боли... рвётся мир.

Кирилл медленно опустил автомат. Его взгляд стал острым, ушел куда-то за горизонт.

— Больно? Архиву? — переспросил Волхов, поправляя очки. Его научный ум отчаянно цеплялся за логику. — Это... новая функция? Эмоциональный выброс?

— Это сигнал бедствия, — прошептала Роза, глядя на багровеющие стены. Праксис снова содрогнулся, на этот раз слабее, как бы отзываясь на её слова. — Или... сигнал агонии. Он не просто проснулся. Он в муках. И его муки убивают всё вокруг.

Тишина в Саду повисла густая, тяжёлая, нарушаемая лишь тревожным, неровным пульсом света. Их хрупкий, вы-

строенный мир только что получил трещину. И трещина эта шла не изнутри. Она приходила с Востока. Зовом Пустоты. Криком из самой бездны.

Покой закончился.

ГЛАВА 2: ЧАСОВЫЕ СМОТРЯТ НА ВОСТОК

База «Лилит» никогда не спала по-настоящему. Но в ту ночь она замерла в состоянии напряжённой, хищной бдительности. Сорокина стояла в центре Оперативного зала, похожего на гибрид командного центра НАСА и алхимической лаборатории. Вместо звёзд на главном экране мерцала карта Евразии. На ней, в точке Гоби, мягко пульсировала знакомая голубая точка — их собственный, условно-стабильный Архив. А теперь, на тысячу километров юго-западнее, в гималайских пиках, разрывалась и сжималась, как раковая опухоль, точка кроваво-красная. Рядом с ней мигали предупреждения на тибетском, китайском и английском: «Геомангнитная аномалия», «Искажение гравитационного поля», «Масовые психосоматические случаи».

— Подтверждаем данные «актива», — сухо доложил техник, не отрываясь от консоли. — Источник неэлектромагнитный. Природа излучения — когнитивно-пространственная. «Прорехи»... — он сделал паузу, подбирая слова, — ...это зоны, где законы причинности демонстрируют статистически значимые аномалии. В эпицентре, по спутниковым снимкам... там просто черно. Не темно. Отсутствие данных.

Сорокина не шелохнулась. Её лицо, освещённое мертвенным светом экранов, было каменной маской. Но пальцы,

сжимавшие край стола, побелели от напряжения. Она думала не об угрозе. Она думала о возможностях. О балансе сил. Об ответственности, которая внезапно легла на её плечи тяжким, незванным грузом.

— А внешний контур? — спросила она, и голос её остался ровным, ледяным.

— Засекли, — отозвался другой оператор. — Все, у кого есть хоть какая-то сеть слежения за аномалиями. «Чёрные кабинеты» от Пекина до Вашингтона. Но есть один, кто ведёт себя... нагло.

На втором экране всплыл логотип: стилизованный земной шар, опутанный щупальцами защитного кода, и аббревиатура GSI — Global Security Initiative. Ниже бежала строка: «Запрос на экстренный сеанс связи. Приоритет: Альфа. Отправитель: Директор Колодзей».

— GSI, — произнесла Сорокина с лёгким оттенком презрения. — Технократы с ядерными чемоданчиками и мантрой «контроль через подавление». Ждали этого. Ждали, когда что-то вылезет из песка. — Она сделала паузу. — Принять вызов. И подключить к сеансу нашу... дипломатическую активу. Пусть Мортель слушает из своего Сада.

В Саду свет вернулся к своему обычному, умиротворённому изумрудному сиянию, но напряжение висело в воздухе, как перед грозой. Роза, Кирилл и Волхов сгрудились вокруг импровизированного терминала, который Волхов подключил к «интерфейсу» Праксиса — гладкой, зеркальной

поверхности на стене. На ней теперь отражался экран Оперативного зала.

Лицо, появившееся на связи, не было похоже на образ зловещего директора. Ян Колодзей выглядел уставшим, компетентным менеджером средних лет, застигнутым чрезвычайной ситуацией в нерабочее время. Но глаза — маленькие, острые, как буравчики, — ничего не упускали.

— Госпожа Сорокина, — начал он без преамбулы, с лёгким восточноевропейским акцентом. — Поздравляю. Ваш питомец в Гоби оказался не единственным.

И, судя по всему, не самым проблемным.

— Мы в курсе событий, директор, — холодно парировала Сорокина. — И уже анализируем ситуацию.

— Анализируете? — Колодзей мягко улыбнулся. Это было страшнее, чем крик. — У вас есть семьдесят два часа. Максимум. Наши модели показывают: если рост «зоны разрыва» продолжится с текущей скоростью, через трое суток мы получим нелокальное событие. Каскадный коллапс реальности. Радиус... непредсказуем. Может остановиться на ста километрах. А может стереть с карты континент.

В зале «Лилит» повисла леденящая тишина.

— Что вы предлагаете? — спросила Сорокина, хотя уже знала ответ.

— Мы предлагаем решение, — Колодзей сменил картинку. На экране возникла схематичная анимация: в эпицентр красной точки сходились траектории нескольких гиперзву-

ковых носителей. — Операция «Санитарный кордон». Точный удар специальными боеприпасами с кобальтовым сердечником. Цель — не просто разрушить физический носитель аномалии, а создать локальное поле подавления любых квантово-сознательных процессов. Выжжем инфекцию.

Роза невольно вскрикнула, зажав рот ладонью. Рядом с ней Кирилл напрягся, как струна. Волхов прошептал: «Идиоты... Они взорвут пси-чернобыль...»

— Вы понимаете последствия такого «выжигания»? — голос Сорокиной не дрогнул, но в нём появилась сталь. — Мы имеем дело со сложной когнитивной структурой! Насильственное разрушение может вызвать...

— Контролируемый коллапс лучше неконтролируемой чумы, — перебил её Колодзей. Улыбка исчезла. — У вас есть семьдесят два часа, чтобы доказать обратное. Если «Лилит» со своим... уникальным опытом и активами... сможет нейтрализовать угрозу в Тибете без применения нашего сценария, мы отведём ударные группы. Если нет... — он развёл руками, — ...мы выполним свою миссию по защите глобальной безопасности. Жертвы и экологические последствия... к сожалению, являются допустимыми издержками.

Связь прервалась.

В Саду было тихо. Тише, чем когда-либо. Даже Праксис словно затаился, наблюдая.

Сорокина повернулась к экрану, связывающему её с Розой. Её лицо оставалось бесстрастным, но в глазах горел хо-

лодный, решительный огонь.

— Вы слышали, Мортель. Ультиматум поставлен. Игнорировать GSI мы не можем. Отказ — это война с силами, у которых больше ракет, чем у нас артефактов.

— Что вы прикажете? — спросила Роза, и её собственный голос показался ей слабым, детским.

— Приказываю готовиться к экспедиции, — отчеканила Сорокина. — Вы, ваш страж, Волхов. Вы — единственные, кто понимает язык этих существ. GSI дал нам срок. Мы должны его использовать. Ваша задача — войти в зону, установить контакт и... — она запнулась на долю секунды, — ...и убедить это «божество» перестать причинять боль миру.

Или усыпить его. Или понять, как его уничтожить, не взрывая пол-Азии. Любыми средствами.

— Это невозможно! — вырвалось у Волхова. — Мы только-только научились жить с одним! А тут — агрессивный, страдающий...

— Возможности рождаются из необходимости, профессор, — оборвала его Сорокина. — Готовьтесь. Выдвигайтесь через двенадцать часов. Я обеспечу вам коридор и прикрытие. И... — её взгляд упёрся в Розу, — ...молитесь, чтобы ваши «союзники» из Совета не решили, что лучший способ решить проблему — это запечатать всех разом. У них, я чувствую, уже созревает своё решение.

Связь оборвалась.

Роза опустила на камень, чувствуя, как подкашивают-

ся ноги. Кирилл подошёл и молча положил руку ей на плечо. Его прикосновение было твёрдым, реальным — якорем в этом нарастающем безумии.

— Экспедиция в ад, — пробормотал Волхов, снимая очки и устало протирая глаза. — Нас посылают в самое пекло с дипломатической миссией к вопящей ране вселенной.

Роза подняла голову и посмотрела на сердцевицу Праксиса. Свет в ней мерцал, ритмично и тревожно. Она почувствовала не мысль, а эмоцию, посланную ей: сложную смесь тревоги, ответственности и... отголоска той самой далёкой боли. Праксис чувствовал страдание своего «собрата». И, возможно, страх за неё.

«Нет, — подумала Роза, глядя на Кирилла, на Волхова, на светящиеся стены. — Не в ад. В клинику. К пациенту, который умирает и губит всех вокруг. И у нас... у нас есть семьдесят два часа, чтобы стать врачами для бога».

ГЛАВА 3: СОВЕТ ТЕНЕЙ И РАСКОЛОТЫЙ КОЛОКОЛ

Подземный зал, где собирался Совет, не менялся веками. Камни, пропитанные дымом ладана и тайной, тяжёлый воздух, в котором висели невысказанные обеты и старые страхи. Но сегодня в нём висело нечто новое — паника, тщательно скрываемая под маской догмы.

Аглая стояла перед картой, аналогичной той, что была в Оперативном зале «Лилит», но начертанной на пожелтев-

шем пергаменте кровью и серебряной пылью. Та же красная точка в Тибете пульсировала, но вокруг неё Аглая углём нарисовала концентрические круги, как на мишени.

— Подтверждено, — её голос, обычно мелодичный и властный, сейчас звучал сухо, как скрип засохшей кожи. — «Страж пустоты» пробудился в агонии. Его сны — это кошмары, проливающиеся в реальность. Каждое его биение сердца рождает прореху в полотне. И полотно истончается.

Ортодоксы, старейшины в тёмных, не менявших фасон столетия мантиях, перешёптывались. В их глазах читался не страх перед внешней угрозой, а ярость. Ярость тех, чьи худшие предсказания сбываются.

— Мы предупреждали, — прошипел один из них, костлявый старик с глазами, похожими на чёрные пуговицы. — Праксис в Гоби был первым звонком. Мыслимое вторглось в невысказанное, и невысказанное ответило!

Мы должны были запечатать первого, пока не поздно! А теперь проснулся второй... и он безумен!

— Сорокина и её подопечная играют в богов, — добавила другая, женщина с лицом, изборозждённым ритуальными шрамами. — Они научили камень чувствовать. А что чувствует камень, которому миллиард лет? Усталость. Гнев. Боль. И он нашёл родственную душу в Тибете и зовёт её!

Аглая кивнула, её губы сложились в тонкую, безрадостную линию.

— Именно. Наша ошибка была в мягкотелости. Мы поз-

волили «Лилит» экспериментировать. Теперь у нас есть два активных Архива. Один — ученик человеческих эмоций, непредсказуемый. Второй — безумный титан, разрывающий мир. Положение критическое.

В этот момент из тени в дальнем конце зала раздался голос. Спокойный, молодой, но с твёрдой стальной нитью внутри.

— И что вы предлагаете, преподобная мать? Помимо того, чтобы винить тех, кто хотя бы пытался наладить диалог?

Все головы повернулись. Марк шагнул в круг света от масляных ламп. Он был без мантии, в простой тёмной одежде, но в его позе и взгляде была такая убеждённость, что несколько старейшин невольно отпрянули. За ним, словно тени, выступили ещё двое — молодые лица, которые Роза когда-то видела на периферии Совета. «Молодые». Реформаторы. Те, кто изучал Архивы не как демонов, а как явления природы.

— Марк, — Аглая произнесла его имя без интонации, как констатацию факта. — Твой вопрос звучит как обвинение.

— Это наблюдение, — парировал он. — Вы говорите об ошибке. Но единственная «ошибка» Розы Мортель и Праксиса в том, что они выжили и нашли общий язык. А теперь, когда появилась проблема, вы не ищете решения. Вы ищете виноватого и готовитесь к казни.

— Решение очевидно! — вскричал костлявый старик. — Ритуал Великого запечатывания! Мы должны использовать

пробуждение второго Архива как резонансную частоту! Направить его боль против него самого и против Праксиса! Одним ударом загнать оба разума обратно в сон! Навеки!

В зале воцарилась гробовая тишина. Даже ортодоксы понимали вес этих слов.

Марк засмеялся. Коротко, беззвучно, с горькой иронией.

— Навеки. Убив при этом Розу Мортель, чьё сознание сплетено с Праксисом. И, возможно, вызвав непредсказуемый катаклизм, пытаюсь заткнуть одну дыру в реальности, взорвав две. Блестящий план. Прямо как у тех головорезов из GSI, только с канделябрами и ладаном.

— Ты переходишь черту, мальчик, — голос Аглаи стал тише, но от этого опаснее.

— Черту уже перешли! — Марк ударил кулаком по каменному столу. Звон пошёл по залу. — Вы смотрите на живые, сложные существа как на тараканов, которых нужно раздавить! Вы изучили тысячу свитков, но не поняли главного: Архивы — это не враги! Это часть экосистемы реальности! Один хранит память и ищет порядок. Другой, судя по всему, хранит боль.

Что, если его функция — важна? Что, если его нельзя просто «запечатать»? Что, если его нужно... исцелить?

Слово «исцелить» повисло в воздухе, странное, чужеродное, почти кощунственное в этих стенах.

Аглая смотрела на него долгим, пронзительным взглядом. В её глазах не было гнева. Было нечто худшее — разочаро-

вание, переходящее в холодное, безжалостное решение.

— Исцелить бога? Ты говоришь как еретик ранних веков, Марк. Ты позволяешь симпатии к одной девушке и её питомцу ослепить тебя. Мы — Хранители. Наша задача — охранять человечество от того, что его превосходит. Не вести с этим диалог. Не лечить. Охранять. Изолировать. И если нужно — уничтожить.

Она обвела взглядом зал, собирая волю старейшин.

— Ритуал Великого запечатывания будет подготовлен. Мы используем кризис в Тибете как фокус. Мы соберём силы и, когда момент будет подходящим, наложим печать на оба источника безумия. Если «Лилит» потерпит неудачу... или даже если преуспеет и установит контакт... это будет наш час. Мы не можем позволить существовать двум пробуждённым Архивам. Мир не выдержит такой игры.

Марк замер. Он видел в их глазах не злость, а слепой, фанатичный ужас. Разубеждать их было бесполезно. Диалог был окончен.

— Тогда, — сказал он тихо, но так, что было слышно каждое слово, — вы оставляете нам не выбор, а долг.

Он повернулся и пошёл к выходу. Его двое спутников последовали за ним.

— Марк! — окликнула его Аглая. — Если ты встанешь у нас на пути, ты будешь объявлен отступником. Со всеми вытекающими.

Он не обернулся.

— Я уже стою на пути, преподобная мать. На пути между вашим страхом и возможным будущим. Называйте это как хотите.

Дверь за ним захлопнулась, и его шаги затихли в каменных коридорах.

В зале воцарилось тяжёлое молчание. Аглая смотрела на дверь, её лицо было непроницаемо. Костлявый старик ехидно усмехнулся:

— Мягкотелый дурак. Он побежит предупреждать свою подружку-хранительницу.

— Пусть бежит, — наконец произнесла Аглая, возвращаясь к карте. Её палец лёг между двумя пульсирующими точками. — Пусть все они соберутся в одном месте. В Тибете. Это облегчит нашу задачу. Мы наложим печать, когда все игроки будут на поле. И очистим мир разом.

ГЛАВА 4: МОСТ ЧЕРЕЗ ТИШИНУ

Подготовка к экспедиции в зону, где законы физики носят рекомендательный характер, — занятие сюрреалистическое. Волхов, погружённый в состояние, близкое к технической нирване, упаковывал не снаряжение, а концепции.

В титановые кейсы ложились не приборы, а их гиперупрощённые аналоги: лазерный дальномер, перепрошитый для измерения «плотности причинности»; датчики магнитного поля, калиброванные на улавливание эхо-сигналов бо-

ли; квадрокоптер, чьи алгоритмы стабилизации могли, по идее, компенсировать «рывки» локального времени. Каждое устройство он сопровождал бормотанием: «Если гравитация поплывёт, эта штука, возможно, не взорвётся первой...»

Кирилл занимался другим. Его мир был миром тактильного, осязаемого риска. Он проверял бронежилеты, не полагаясь на их штатные характеристики, а тестируя на них же импровизированные «аномалии» от Праксиса — слабые, контролируемые искажения пространства. Он упаковывал оружие, но больше — нелетальные средства: светошумовые гранаты, сети, мощные портативные излучатели электромагнитных импульсов. «Пули могут не сработать там, где нет чёткой траектории, — сказал он Розе, заметив её взгляд. — А вот внезапный громкий звук или вспышка в мире, где звук и свет искажены... это может дать секунду. Секунда решает всё».

Роза помогала им обоим, но её главная подготовка шла внутри. Она сидела у Праксиса, пытаясь наладить «канал». Архив понимал предстоящее. Он был встревожен. Чужая боль причиняла ему дискомфорт, как человеку — душераздирающий крик за стеной. Но был и другой оттенок — любопытство? Ответственность? Он передал ей не слова, а образ: два дерева в одном лесу. Одно — прямое, с чёткой кроной (он сам). Второе — скрюченное, поражённое болезнью, но с той же глубинной, древней структурой корней.

Помощь, — поняла Роза суть послания. Но осторожно.

Его боль заразна.

Именно в этот момент, когда она мысленно пыталась представить, как выглядит «заразная боль вселенной», на одном из резервных мониторов Волхова, не подключённом к сети «Лилит», возникло окно текстового чата.

Неизвестный: Роза. Это Марк. Не пытайтесь отследить, это одноразовый криптоканал. Время в обрез.

Роза замерла, потом кивнула Волхову, который уже устался на экран с видом человека, увидевшего призрака.

Роза: Я слушаю.

Марк: Совет принял решение. Аглая и ортодоксы проводят ритуал Великого запечатывания. Цель — оба Архива. Вас в том числе. Они используют кризис в Тибете как приманку и фокус для своей магии. Они намерены действовать, когда все ключевые фигуры окажутся на месте.

Волхов (набрав с клавиатуры): Бред фанатиков! Мы пытаемся предотвратить катастрофу!

Марк: Для них вы — катастрофа, которая уже случилась. Слушайте дальше. У них есть древние карты — не географические, а... семантические. Карты «печатей». Они знают слабые места в архитектуре таких существ, как Праксис и Страж. Их ритуал не просто усыпит — он нанесёт повреждение. Возможно, необратимые.

Розу бросило в холод. Она чувствовала, как Праксис насторожился, уловив её страх.

Роза: Что делать?

Марк: Есть третий путь. Не уничтожение GSI, не запечатывание Совета. Попытка стабилизации. Усыпление или... перенаправление. Моя группа изучала тексты, которые ортодоксы игнорировали — не инструкции по заточению, а теории о природе Архивов. «Страж пустоты» — это не имя, а описание функции. Он не агрессор. Он поглотитель. Поглотитель страданий. Он переполнен.

Волхов: Септик для всей Евразии?.. Теоретически...

Марк: Практически он сейчас — прорвавшаяся канализация. Его нужно не запечатать, а прочистить. Или научить фильтровать. У вас есть уникальный опыт — диалог с подобным существом. У нас — знания о его устройстве. Вместе у нас есть шанс.

На экране появился файл. Схема, напоминающая мандалу, переплетённую с молекулярной структурой.

Марк: Это условная схема «энергетического ландшафта» Стража. Точки входа, узлы сдерживания. То, что повредили агенты GSI при попытке взлома. Если их починить, возможно, удастся стабилизировать его сон без глобального ритуала.

Роза: Почему ты это делаешь? Тебе грозит отлучение. Хуже.

На несколько секунд в чате зависло состояние «печатает...».

Марк: Потому что я тоже Хранитель. Но я верю, что наша задача — не хранить мир от странного и страшного. А

хранить странное и страшное — от мира. И наоборот. Аглая выбрала сторону. Я выбираю мост.

Роза посмотрела на Кирилла. Тот, прочитав переписку через её плечо, мрачно кивнул. «Рискованно. Но альтернативы хуже. У фанатиков — знание. У технократов — бомбы. У этого парня — и то, и другое, плюс он, кажется, не хочет тебя убить. Пока что».

Роза: Что нужно?

Марк: Возьмите меня с собой. В экспедицию. Как проводника. У меня есть карты и понимание ритуалов, которые могут защитить нас внутри зоны. И... я могу быть связью с «молодыми», если понадобится дополнительная информация или поддержка.

Волхов: Сорокина никогда не согласится. В команду — человека из Совета? После ультиматума?

Марк: Не говорите Сорокиной. Скажите, что нашли способного местного проводника через тёмную сеть. Я встречу вас на точке в Непале. Координаты прилагаю. У вас есть 12 часов, чтобы решить.

Связь прервалась. Схема осталась на экране. Трое смотрели на мерцающие линии мандалы, на сложную, чужую геометрию боли.

— Измена, — тихо сказал Волхов.

— Стратегический союз, — поправил Кирилл.

— Шанс, — прошептала Роза, глядя на сердцевину Прак-

сиса.

Он ответил ей слабой, тёплой волной света. Одобрение? Принятие риска? Или просто понимание, что других вариантов нет. Они сидели в тишине, нарушаемой лишь жужжанием серверов, и понимали: завтра они не просто полетят в аномальную зону.

Они полетят на минное поле, где мины — это не железо, а идеи: идея контроля, идея уничтожения и их собственная, хрупкая, почти безумная идея — идея исцеления.

Экспедиция начиналась. А вместе с ней — игра на выживание, где ставкой была сама структура реальности.

ГЛАВА 5: НАБЛЮДАТЕЛЬ С КАМЕННЫМ СЕРДЦЕМ

Самолёт «Лилит» был неофициальным, безымянным и почти невидимым для радаров. В его салоне, лишённом каких-либо опознавательных знаков, царила напряжённая тишина, нарушаемая лишь гулом двигателей. Роза смотрела в иллюминатор на проплывающие внизу гималайские пики, похожие на зазубренные белые клыки, впившиеся в синее небо. Но чем дальше они летели на восток, тем больше небо теряло свою чистую синеву. Оно не темнело от туч. Оно будто выцветало, как старая фотография, становясь блёкло-серым, почти белесым.

— Входим в периферийную зону влияния, — пробормотал Волхов, не отрываясь от экрана портативного спектро-

графа. — Электромагнитный фон... не падает. Он искажается. Волны путаются, как клубок змей. Интересно...

Кирилл молча проверял снаряжение. Его движения были экономными, точными. Он избегал смотреть в иллюминатор. Его мир заканчивался бортом самолёта.

Внезапно радист, летевший с ними, обернулся:

— Вас вызывает директор Колодзей. На отдельный канал.

Сорокина, оставшаяся в центре управления, предупредила их об этом. «Наблюдатель» от GSI должен был присоединиться к ним на нейтральной территории.

На экране планшета снова возникло усталое, компетентное лицо Яна Колодзея.

— Госпожа Мортель. Команда. Надеюсь, ваш полёт проходит... продуктивно. В целях прозрачности операции и во избежание недоразумений к вашей группе присоединяется наш специалист. Он обеспечит связь, дополнительную безопасность и будет нашими глазами на месте.

— «Наблюдатель», — без эмоций сказала Роза.

— Назовём его «гарантом», — мягко улыбнулся Колодзей. — Капитан Элиас Фрост. Он встретит вас на посадочной площадке.

Связь прервалась.

Через двадцать минут самолёт, дрожа всем корпусом, приземлился на крошечном, вырубленном в скале аэродроме где-то на границе Непала и Тибета. Воздух здесь был разрежённым, холодным и... тихим. Слишком тихим. Даже ве-

тер, который должен был быть меж скал, звучал приглушённо, как из-за толстого стекла.

И он уже ждал их. Капитан Элиас Фрост появился из тени вертолёта, как будто был её частью. Ему можно было дать и сорок, и пятьдесят — гранитное тело, обточенное тренировками, не выдавало возраста.

Лицо — закрытая книга, на обложке которой значилось только «Протокол». Короткие седые волосы стояли жёстко, как армейская щётка. Глаза — голубые, но такие холодные, что цвет казался случайностью, ошибкой пигмента. Они смотрели на Розу, не моргая, и в них не было ни любопытства, ни угрозы — только ожидание. Ожидание, когда объект начнёт вести себя не по протоколу.

Его камуфляж был дороже, чем весь гардероб остальной группы, но без единой нашивки — человек-невидимка, сотканный из технологий и безмолвия. Он не представился, лишь кивнул, оценивающим взглядом окинув каждого из них, дольше всего задержавшись на Розе.

— Капитан Фрост, GSI, — наконец сказал он. Голос был ровным, без акцента, как у диктора новостей. — Моя задача — наблюдение и отчёт. Ваша — выполнение миссии. Я не буду мешать, если вы не создадите угрозу, превышающую изначальную. В этом случае мой протокол позволяет мне действовать самостоятельно. Понятно?

— Как стеклышко, капитан, — хрипло сказал Волхов, поправляя очки. — Вы здесь, чтобы решить, стоит ли нажимать

на большую красную кнопку.

Фрост не улыбнулся.

— Я здесь, чтобы обеспечить, чтобы её нажали вовремя и с минимальными потерями для человечества. Если ваш метод работает, кнопка не понадобится. Начнём?

Они перегрузились в два вездехода, тоже безымянных и угловатых. Фрост сел во второй, вместе с одним из охранников «Лилит», но его присутствие висело над всей группой, как дамоклов меч. Роза ловила на себе его взгляд — не враждебный, а изучающий, как энтомолог изучает редкое, потенциально ядовитое насекомое.

Они ехали несколько часов по серпантинам, которые становились всё уже и опаснее. Пейзаж менялся. Цвета продолжали блекнуть. Зелень травы стала серо-зелёной, белый снег — грязно-белым, синева неба — выцветшей акварелью. Звук двигателя, голоса — всё это словно оборачивалось ватой. И время... время начало вести себя странно. Иногда казалось, что они едут бесконечно долго, глядя на один и тот же поворот, а потом внезапно обнаруживали, что проехали уже десять километров.

— Временные сгустки и разрежения, — фиксировал Волхов, но в его голосе уже не было научного азарта, только нарастающая тревога. — Это не просто искажение восприятия. Это объективный факт. Мои часы то отстают, то убегают вперёд относительно спутниковых... когда они вообще ловят сигнал.

Кирилл сидел рядом с Розой, его плечо было твёрдой опорой. Он молча указал вперёд. На одном из склонов они увидели «прореху».

Это было не отверстие. Это было... место, где реальность сдалась. Участок скалы размером с дом просто не имел текстуры. Он был не чёрным, а отсутствующим. Взгляд соскальзывал с него, не мог зацепиться. Вокруг этого «ничто» воздух дрожал, как над асфальтом в зной, искажая всё, что было позади. От него веяло ледяным, безжизненным ветром, в котором не было ни запаха, ни звука.

— Первая зафиксированная аномалия типа «нулевая текстура», — сказал Фрост

у себя в машине по рации. Его голос был спокоен, как если бы он докладывал об обычной выбоине на дороге. — Радиус стабилен. Объезжаем широким кругом.

Когда они объезжали «прореху», Роза почувствовала... тягу. словно это «ничто» хотело втянуть в себя не тело, а саму её мысль, память, личность. Она схватилась за маленький кристалл на шее — подарок Праксиса, «интерфейсный кристалл». Он был тёплым и пульсировал ровным, успокаивающим светом, отгоняя леденящую пустоту.

Фрост, наблюдавший за ней через окно, сузил глаза. Артефакт. Источник связи. Слабое место, — вероятно, думал он.

К вечеру они достигли условленной точки — полуразрушенного горного приюта. Здесь их уже ждал Марк.

Он вышел из тени разрушенной стены, закутанный в про-

стую походную одежду и плотную шаль, скрывавшую нижнюю часть лица. Но глаза, серьёзные и усталые, были узнаваемы.

— Проводник, — сухо представил его Кирилл Фросту, следуя легенде. — Местный. Знает тропы.

Фрост кивнул, оценивая Марка тем же безэмоциональным взглядом. Он, несомненно, видел, что «проводник» не похож на непальского горца, но не подал виду. Игры были не его стихией. Факты — были.

Когда они разбивали лагерь внутри относительно целого помещения приюта, Марк шёпотом сказал Розе:

— Он опаснее, чем кажется. Он не просто солдат. Он «санитар». Его протокол, скорее всего, предписывает ликвидировать всех нас, если миссия будет признана провальной, чтобы не оставлять свидетелей и заражённых аномалией.

— Весело, — прошептала в ответ Роза, глядя, как Фрост без суеты, точными движениями расставляет по периметру датчики движения с зелёными огоньками GSI.

Ночь опустилась на выцветший мир. И в этой неестественной, давящей тишине кристалл на шее Розы вдруг вспыхнул тревожным багровым светом.

В её сознание хлынул не образ, а чистый, нефильТРованный *сигнал*. Он шёл не от Праксиса. Он шёл из глубин, с самого пика где-то впереди. И это был уже не просто стон боли. Это был зов.

Немой, отчаянный, полный древней, невыразимой тоски

зов. Он не звал на помощь. Он звал... к себе. Чтобы разделить бремя. Чтобы положить конец одиночеству в вечности, даже если этим концом станет всеобщее уничтожение.

Роза вскрикнула, схватившись за голову. Кристалл горел, как раскалённый уголь.

Кирилл был рядом в мгновение ока. Волхов замер с пайкой в руках. Марк побледнел, прошептал: «Он чувствует нас...»

Фрост медленно поднял голову от своего терминала. Его холодные голубые глаза зафиксировались на горящем кристалле, а затем на искажённом гримасой боли лице Розы.

— Контакт установлен? — спросил он ровным голосом. В его руке уже лежал компактный пистолет, ствол которого был направлен не на Розу, а в пол. Мера предосторожности.

Роза, с трудом переводя дыхание, кивнула. Слезы самопроизвольно текли по её щекам от переполнившего её чужого отчаяния.

— Он... не просто страдает, — выдохнула она. — Он одинок. Ужасно, бесконечно одинок. И его одиночество... пожирает мир.

Фрост ничего не сказал. Он лишь сделал пометку в своём планшете. Но в его глазах, возможно, впервые за всю встречу, промелькнуло нечто, кроме холодного расчёта. Микропическая трещина в каменной маске. Быть может, понимание. А может — подтверждение худших опасений.

Теперь они все слышали зов. И спасти мир означало от-

ветить на него. Ответить тому, чьё одиночество было смертельно для всего живого.

ГЛАВА 6: МОНАСТЫРЬ МОЛЧАНИЯ

Последние километры до монастыря они преодолели пешком. Вездеходы, рычавшие на пределе, начали отказывать один за другим: электроника глючила, двигатели захлёбывались в воздухе, плотность которого то падала до разрежённого космического, то становилась густой, как сироп. Оставив технику и часть снаряжения с двумя охранниками из «Лилит» на последнем относительно стабильном рубеже, ядро команды двинулось вверх по тропе, которая больше не была тропой.

Это была не тропа, а память о тропе. Камни под ногами казались нарисованными небрежной кистью, их очертания плыли, если долго смотреть. Воздух был холодным, но холод этот не проникал под одежду — он был внутри, в костях, в мыслях. Зов, исходивший сверху, теперь был постоянным фоном — низкочастотным гулом отчаяния, в который вплетались обрывки чего-то, похожего на образы: тени городов, которых никогда не было, лица людей, давно превратившихся в пыль, тихий плач ребёнка на забытом языке.

Марк шёл впереди, сверяясь не с GPS, а с древней шёлковой картой, на которой узоры напоминали скорее схему нервных импульсов, чем горный хребет. Его губы беззвучно

шевелились — то ли в молитве, то ли повторяя защитные мантры.

Волхов, бледный и сосредоточенный, постоянно сверял показания своих приборов, записывая в блокнот безумные числа: «Гравитация: 0.7 g... 1.3 g... 0.9 g... Колебания с периодом в 37 секунд. Световой спектр смещён в ультрафиолет... А сейчас в инфракрасный. Интересно...»

Кирилл шел рядом с Розой, его рука всегда была готова поддержать её. Он не смотрел на красоту умирающего пейзажа. Его глаза сканировали угрозы: очередную «прореху», висевшую в воздухе в ста метрах слева, как дыру в холсте; странные, застывшие в неестественных позах камни, которые, казалось, наблюдали за ними; тишину, которая временами прорывалась внезапными, оглушительными звуками — скрипом разрываемого металла, далёким вздохом, криком ястреба, которого здесь не могло быть.

Фрост шел последним. Он был тих, как тень. Его датчики, более совершенные, чем у Волхова, молча собирали данные. Пистолет был в кобуре, но его пальцы лежали рядом. Он смотрел на всех, но чаще всего — на спину Розы и на светящийся под её курткой кристалл. Его присутствие было как постоянный, мягкий щелчок счётчика Гейгера, предупреждающий о невидимой радиации.

И вот, пройдя за поворот, они увидели его.

Монастырь.

Он не был величественным. Он был... стойким. Приле-

пившись к скале, как раковина к утёсу, он казался её естественным продолжением. Его стены не были прямыми — они изгибались, следуя ритму горы, и были сложены из тёмного, почти чёрного камня. Никаких ярких красок, никаких позолоченных крыш. Только серая черепица, почерневшая от времени и чего-то ещё. Ни одно окно не выходило в сторону долины, откуда они пришли. Все смотрели внутрь, в скалу, или в небо, ставшее плоским, серым и безликим, как экран мёртвого телевизора.

А вокруг монастыря, на террасах, где в обычных условиях могли бы расти ячмень или цветы, лежал снег. Но не белый. Снег был цвета пепла. И он не таял.

— Монастырь молчания, — тихо сказал Марк, сворачивая карту. — Они не молчат, потому что дали обет. Они молчат, потому что любое слово здесь... искажается. Наполняется чужим смыслом. Болью.

Из главных, низких, похожих на пасть воротец вышел человек. Не старец в богатых мантиях, а сгорбленный монах в простой одежде цвета грязи и пепла. Его лицо было испещрено глубокими морщинами, но глаза... глаза были ясными и невероятно усталыми. Он не испугался пришельцев с оружием и приборами. В его взгляде была лишь грусть и... признание.

Он подошёл к Розе. Не к Фросту, не к Марку. К Розе. Его взгляд упал на её кристалл. Он медленно, почти благоговейно, протянул руку, но не прикоснулся. Его губы шевельну-

лись, и он произнёс хриплым, неиспользуемым голосом слово на тибетском.

— Ньинг-дже, — повторил Марк шёпотом. — Сострадание. Он говорит «сострадание».

Затем монах повернулся и жестом пригласил их внутрь.

Внутри было ещё тише. Зов отсюда был не громче, но... структурированнее. Как если бы дикий вой превратился в протяжную, бесконечно печальную песню.

Коридоры были низкими, тёмными, освещёнными лишь отапливаемыми масляными лампадами, чей свет не отбрасывал чётких теней — они расплывались, как пятна. Монахи встречались редко. Они проходили мимо, не поднимая глаз, их лица были масками сосредоточенного усилия. Некоторые сидели в нишах, непрерывно перебирая чётки, и их губы двигались в абсолютной тишине — они не произносили мантры вслух, а лишь артикулировали их, чтобы не дать собственным мыслям слиться с внешним гулом отчаяния.

Их привели в небольшую, почти пустую келью. На столе стоял глиняный кувшин с водой и несколько чашек.

Монах, который встретил их (Марк шёпотом перевёл, что его зовут Лобсанг), налил воды и жестом показал на чашки. Вода была ледяной и кристально чистой. Она была единственным, что здесь казалось абсолютно реальным, якорем в этом мире размытых ощущений.

Заговорил Лобсанг, и Марк переводил, его голос был тихим и торжественным в полумраке кельи.

— Он говорит... они не стражники. Они — сиделки. Этот монастырь построен не для поклонения и не для удержания. Он построен как... клиника. Как место для ухода за Великим больным.

— Больным? — переспросила Роза.

— Да. Тот, кого вы зовёте Стражем пустоты. Они зовут его Калагия — «Поглотитель скверны». Он древний. Старше гор. Его функция... природная функция, как у реки — уносить воду, как у дерева — давать тень... его функция — забирать в себя боль. Страдание. Травму. Невыплаканные слёзы, непрожитое горе, забытые муки всего, что жило и чувствовало на этой земле. Он — архив забвения. Он забирает яд, чтобы мир мог жить.

Волхов замер, его научный ум схватывал парадоксальную гениальность такого механизма. Фрост, стоявший у двери, не шелохнулся, но его взгляд стал острее.

— Но архив... переполнился, — догадалась Роза.

Лобсанг медленно кивнул, и в его глазах блеснули слёзы, которые не пролились.

— Да. Тысячелетиями наши предки, и мы после них, помогали ему... спать. Сном, похожим на глубокую медитацию. Мы ритуалами, тишиной, направленным состраданием создавали фильтр. Помогали ему... перерабатывать боль. Превращать её в инертную... память. В нейтральный осадок. Но что-то нарушило ритуал. Несколько лун назад. — Лобсанг посмотрел прямо на Фроста. — Пришли люди. С же-

лезными птицами и приборами, которые жужжали, как злые насекомые. Они не спросили разрешения. Они искали... источник силы. Они пытались «подключиться», «взломать». Они повредили древние камни с резьбой у самого сердца Калагии. Камни, которые помогали ему спать. И... он начал просыпаться. И теперь он не просто переполнен. Он истекает. Его боль, переработанная, чистая, как кислота... выливается наружу. Он не хочет причинять зло. Он просто... не может больше держать это в себе.

В келье повисла тишина, нарушаемая лишь далёким, печальным гулом Калагии.

— Люди GSI, — тихо произнёс Фрост. Это был не вопрос. Он знал. Возможно, он даже знал их имена. И протоколы, которые они нарушили, решив действовать самостоятельно.

— Вы можете починить эти камни? — спросил Кирилл, первый за долгое время нарушив тишину практическим вопросом.

Лобсанг печально покачал головой.

— Резьба — не просто узор. Это... застывшая мудрость, карта его сознания. Мы — сиделки, не хирурги. Мы можем ухаживать за сном, но не оперировать пробуждённую рану.

Все взгляды медленно обратились к Розе. К её кристаллу. К её связи с другим Архивом.

Она чувствовала тяжесть этого взгляда. Тяжесть ответственности. И сквозь кристалл — тихую, тревожную пульсацию Праксиса. Он слушал. Он понимал. И в его «эмоцио-

нальном шуме» она уловила новый оттенок: не страх, а... решимость. Готовность помочь. И глубокую, древнюю печаль за собрата.

Роза подняла глаза на Лобсанга.

— Отведите меня к нему. К Калагии. К... ране.

Монах долго смотрел на неё, а потом медленно, как человек, несущий неподъёмную ношу, кивнул.

Путь к сердцу боли лежал вниз, в самое нутро горы. И они все теперь знали, что у них есть не только враги снаружи. У них есть враг, которого они принесли с собой — в лице людей, которые, желая контролировать всё, разбудили кошмар. И теперь им предстояло его убаюкать. Или найти способ жить с его бесконечным криком.

ГЛАВА 7: ИСТЕЧЕНИЕ

Спуск в сердце горы был не похож на путешествие в пространстве. Это было путешествие в ощущение.

Каменная спираль, вырубленная в скале, вела не вниз, а внутрь. С каждым витком звуки монастыря стихали, зато нарастал тот самый гул — низкий, вибрационный, от которого дрожали кости и сбивался ритм сердца. Воздух становился гуще, но не от влажности, а от тяжести, которую нельзя было измерить барометром. Это была тяжесть непржитых жизней, неотпущенных обид, застрявших в горле последних вздохов.

Лобсанг шёл впереди с масляной лампой, пламя в которой горело неестественно прямым, не колышущимся столбиком. Марк следовал за ним, шепча что-то — то ли мантру, то ли инструкции из древних текстов. Волхов, бледный как полотно, пытался фиксировать показания, но его приборы один за другим сходили с ума, выдавая бессмысленные строки ошибок или замирая на одном значении. Кирилл шёл непосредственно перед Розой, его тело было щитом, глаза сканировали каждый сантиметр пути. Фрост замыкал шествие, его лицо в свете фонарика было каменной маской, но рука то и дело непроизвольно тянулась к оружию, будто отдёргивалась от горячего утюга.

А Роза... Роза погружалась в море чужой агонии через кристалл. Он стал не просто тёплым. Он стал частью её нервной системы, болезненным шунтом, через который в неё вливалась древняя скорбь. Она видела обрывки: рухнувшую крепость из чёрного льда, плач женщины над телом ребёнка, беззвёздную ночь, длящуюся тысячелетие, тихий шёпот «зачем?», повторяемый миллионами голосов. Это не были воспоминания. Это были сами раны, сохранённые в чистом виде.

— Мы приближаемся к первому кругу, — перевёл Марк голос Лобсанга, который почти утонул в гуле. — Здесь находятся камни сновидений. Они... повреждены.

Грот, в который они вышли, был огромным. Его своды терялись в темноте, но не

вверху — они будто заворачивались внутрь самих себя, создавая ощущение бесконечной, изогнутой пустоты. В центре грота на плоском камне лежали восемь стел, расположенных по кругу. Когда-то на них были вырезаны сложнейшие, гипнотические узоры. Теперь половина из них была расколота. Над одной висел, как гнилой плод, тёмный, пульсирующий сгусток чего-то, напоминающего смолу, но светящегося тусклым, больным зеленоватым светом. От него тянулись к полу тонкие, похожие на паутину нити того же вещества. Воздух над сгустком дрожал, искажаясь, как над раскалённым асфальтом.

— Истечение, — прошептал Волхов. — Конденсированная боль. Психо-исторический шлак.

Лобсанг печально кивнул и показал на трещины в стелах.

— Здесь. Железные жала людей с неба вонзались сюда. Ищали силу. Нашли... это.

Фрост внимательно осмотрел повреждения.

— Следы буров, термического резака, — констатировал он без эмоций. — Несанкционированная операция. Я... доложу.

Но доложить, похоже, нужно было бы по-другому. Потому что в тот момент, когда Роза, движимая необъяснимым порывом, сделала шаг к кругу, «сгусток» содрогнулся.

Нити паутины натянулись. Из сгустка, беззвучно, вырвалась волна... ничего. Не света, не тьмы. Это было ощущение — острое, как лезвие, чувство *предательства*, смешанное с

животным страхом. Оно ударило по ним, не встречая физического сопротивления.

Роза вскрикнула, отшатнувшись. В её сознании вспыхнул яркий, жуткий образ: тени в высокотехнологичных скафандрах, жужжащие инструменты, холодные, жадные глаза за стёклами шлемов. И всепоглощающая паника существа, которое просыпается и понимает, что на него напали, что его «кожу» режут, его сон, его единственную защиту, разрушают.

Но это было только начало.

Паутина из «истечения» ожила. Нити оторвались от пола и взметнулись в воздух, превращаясь в щупальца, острые и гибкие, как хлысты. Они не стремились ударить. Они стремились *коснуться*. Обвить лодыжку, коснуться лица, проникнуть под одежду. Потому что их функция была та же, что и у самого Калагии — забрать боль. Но в их искажённом, повреждённом состоянии они могли только впитывать. А прикосновение к живому сознанию было для них чистым, невыносимым страданием, которое они тут же пытались забрать, разрывая психику на части.

— Не дайте им коснуться! — закричал Марк, отскакивая и выхватывая из-под одежды короткий жезл, на концах которого вспыхнул холодный серебристый свет.

Кирилл среагировал первым. Он не выстрелил — пули были бесполезны. Он швырнул в центр щупалец светомушкетерскую гранату. Ослепительная вспышка и оглушительный

хлопок, искажённые аномальным пространством, прозвучали как тихий хлопок и тусклая вспышка. Но этого хватило.

Щупальца, завившиеся вокруг света и звука, дрогнули, на мгновение потеряв ориентацию.

Одно из них, тонкое и быстрое, метнулось к Волхову. Учёный замер, ошеломлённый. Но между ним и щупальцем встал Фрост. Он не отпрыгнул. Он выхватил не пистолет, а странный прибор, похожий на рукоять с излучателем. Нажал кнопку. Раздался не звук, а вибрация — высокочастотный, раздражающий резонанс, который заставил зубы сомкнуться. Щупальце, коснувшись этого поля, словно обожглось, съёжилось и отдёнулось.

— Эм-поле, настроенное на частоту аномалии, — бросил он, отступая. — Работает. Но недолго.

Щупальца, отбитые светом, звуком и резонансом, на секунду отступили, сбившись в клубок над сгустком. Но гул в гроте нарастал. Из повреждённых стел начало сочиться больше «истечения». Оно капало на пол и тут же поднималось, формируя новые щупальца.

— Они реагируют на сознание! На внимание! — закричала Роза, прижав кристалл к груди. Она чувствовала, как Праксис через него пытается стабилизировать её психику, создать буфер против натиска. — Нужно... не бояться! Не думать о боли!

— Легко сказать! — рявкнул Кирилл, отбивая очередную попытку щупальца обвить его руку прикладом автомата.

Марк, тем временем, подбежал к одной из неповреждённых стел. Он прижал к её узорам ладонь, и серебристый свет с его жезла перетёк в камень. Узоры на стеле вспыхнули, и вокруг неё образовалась слабая, но стабильная сфера спокойствия. Щупальца не решались приблизиться.

— Роза! Кристалл! К целым камням! — закричал он. — Он — ключ! Праксис может... стабилизировать узор! Дать им силу!

Роза, преодолевая парализующий ужас, бросилась к ближайшей неповреждённой стеле. Она прижала к ней горячий кристалл. И случилось чудо.

Кристалл вспыхнул чистым, изумрудным светом Праксиса. Свет побежал по древним каналам резьбы, как кровь по оживающим сосудам. Камень загудел, но это был иной гул — глубокий, умиротворяющий, похожий на молитву. Сфера спокойствия вокруг стелы расширилась, оттесняя серую муть и щупальца.

— Работает! — воскликнул Волхов. — Он синхронизирует их с... с правильной, здоровой «волной» Архива!

— Все! К стелам! Создаём периметр! — скомандовал Кирилл, уже чисто инстинктивно взяв на себя тактическое руководство.

Фрост, оценив ситуацию, кивнул и, стреляя короткими импульсами из своего прибора, начал отходить к другой целой стеле. Марк активировал третью. Волхов и Кирилл прикрыли Розу, пока она, перебегая от камня к камню, каса-

лась их кристаллом. С каждым ожившим камнем гул в гроте менялся. Дикий, хаотичный вой боли начал обретать структуру, вплетаясь в упорядоченный, печальный хорал восьми стел.

Щупальца «истечения» замерли, потом начали медленно вытягиваться обратно в центральный сгусток. Сгусток сжался, его болезненное свечение померкло.

Он не исчез, но будто заснул, убаюканный правильным ритмом.

В гроте воцарилась хрупкая, звенящая тишина, нарушаемая лишь ровным, печальным гулом восьми стел. Все тяжело дышали, обливаясь холодным потом. Роза опустилась на колени, дрожа всем телом. Кристалл на её груди светился ровно, но тепло от него было истощающим, как после долгой болезни.

Лобсанг, который всё это время стоял неподвижно, наблюдая, подошёл к ней. В его глазах не было радости. Была глубокая, бездонная скорбь и... благодарность.

— Ты коснулась его боли, — сказал он через Марка. — И не сломалась. Ты дала ему глоток... иного. Порядка. Сострадания. Ты можешь быть тем, кто не просто починит камни. Ты можешь быть тем, кто поможет ему переварить яд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.